УШЕДШАЯ ЭПОХА

Российский парламент. Начало пути

СЕГОДНЯ в условиях развития глобальных информационных ресурсов, свободы слова и открытости на телеэкранах, в Интернете, периодических печатных изданиях, в том числе зарубежных, появляются различные прогнозы, приводятся точки зрения авторитетных и малоизвестных респондентов по вопросам политического и социально-экономического развития России.

Пестрят броские заголовки газет и журналов, формирующих общественное мнение. Приведем лишь немногие: «На полпути к поражению демократии», «Вновь создаваемые партии и движения… это блеф», «Какой бандит не мечтает стать депутатом», «Народ готов голосовать против партий», «Между доходами и расходами депутатов обнаружили нестыковки», «Единая Россия» выступила за демократизацию выборов» «Политически гибкие и морально всеядные», «Судья Болотная», «Девять дней одного процесса», «Партия порядка», «Будем ли мы строить нацию?», «Сокровища партий», «Инновационный политический вакуум», «Политические и правовые варианты развития «дела Навального», «Политические протесты в Москве».

Эти и подобные заголовки, цитаты, констатации обозначают острые проблемы сегодняшней российской общественно-политической жизни. Но одного видения происходящего здесь и сейчас недостаточно. Необходимо многое знать и понимать из того, что было и есть в истории как своей страны, так и других стран.

Почти четверть века назад российский народ сделал свой исторический выбор – поступательное развитие страны по пути демократии, свободы совести, продолжив «связь времен, между прошлым и будущим».

История – не абстрактное понятие, это прежде всего живые люди с присущими им достоинствами и недостатками, социальными установками и психологическими оттенками эпохи.

Исследуя становление общественно-политического движения в России, необходимо несколько слов сказать об объективных законах самого развития общества в целом. Именно эти законы действуют независимо от отдельных людей, даже если это коронованные властители или ушитые галунами генералы. В политике, в жизни побеждает в конечном счете тот лидер или то движение, которые выражают определенную тенденцию в развитии общества, в наибольшей мере соответствующую его потребностям, формирующимся объективно. А это и есть проявление определенных законов. Если деятельность субъектов исторического процесса соответствует законам, протекает в их русле, то ей в конечном счете – даже при определенных ошибках – обеспечен успех.

«Равенство в молчании»

Вместо того, чтобы приспособить монархию к требованиям гражданского общества, русские императоры, начиная с Николая I, переопределили понятие «нация», сделав ее мифическим атрибутом монарха. Официальная доктрина играла на многозначности русского слова «народ», которое означает и русский народ в самом широком, демократическом смысле, и нацию как коллективный политический организм. «Официальная народность», определив европеизированную империю как национальную, таким образом отличала ее от Европы, испорченной влиянием французской революции.

В то время, когда Запад под воздействием буржуазных революций экспериментировал с демократическими институтами, жившая под тяжелым скипетром монарха Россия продолжала спать сном крепостнической летаргии, гордясь своей самобытностью и сильно сомневаясь в том, что когда-либо пойдет по пути Европы. Объявив, наконец, крестьянскую волю, царский режим не торопился снимать с крестьянства цепи, пока полвека спустя не грянула революция.

После 1855 года фокус императорской презентации в России перемещается: это уже не укрепление связей между монархом и элитой, а демонстрация связи монарха с русским народом. Для эпохи Александра I была характерна презентация нежной привязанности, основанной на благодеянии и признательности, как способ сохранения европейского мифа и структуры «официальной народности». В царствование Александра III власть ставила целью продемонстрировать этническую и духовную связь между русским царем и русским народом. Император Николай II пытался найти собственное воплощение национального мифа перед лицом широкой политической оппозиции и развития современных форм публичности и презентации власти.

В конце XIX века произошла серьезная перегруппировка политических сил. «Историческая власть» – консервативный лагерь имел под собой не только легальную оппозицию, земство, либеральную профессуру, но и политический радикализм, окрашенный в социалистические тона, исповедовавший всяческую «нелегальщину». Борьба данных трех течений как теоретическая тенденция наметилась в публицистике, в толстых журналах и «летучих листках» – прокламациях еще в 1861 году, и к концу века это была уже не теория и даже не только политическая доктрина, а живое общественное движение. Существовавшие тогда общественно-политические объединения обрели простор для развития своей активности.

Эти политические силы были напрямую связаны с индустриализацией страны, очередным этапом промышленной, научно-технической революции, захватившей Россию, что вызывало существенные социальные сдвиги, вело к перегруппировке социально-классовых сил, новой политической расстановке.

Историк Василий Ключевский писал, что аграрная Россия становится фабрично-заводской и за привычным противостоянием крестьян и помещиков, борьбой труда и капитала уже выделяются новые социальные группы, связанные с напряженной умственной теоретической работой.

Уходила в небытие аграрно-крестьянская страна, а вместе с ней уходило в прошлое «равенство в молчании».

Известный французский философ и политолог, либерал и антикоммунист Раймон Арон говорил: «Режим, о котором плохо отзываются все граждане, можно отнести к разложившемуся уже потому, что он не может заручиться поддержкой управляемых».

Как отмечает исследователь парламентаризма в России Ольга Малышева, сама идея народного представительства по образцу западноевропейских стран была болезненной и неприемлемой для российских императоров. Правда, некоторые наиболее дальновидные из них понимали необходимость хотя бы декоративных изменений абсолютизма с целью сохранения монархического строя.

В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III ВЛАСТЬ ДЕМОНСТРИРОВАЛА ЭТНИЧЕСКУЮ И ДУХОВНУЮ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЦАРЕМ И НАРОДОМ.

Проекты под сукном

Не случайно несколько проектов введения народного представительства с ограниченными полномочиями появились в правление Александра I (проекты Михаила Сперанского, Николая Новосильцева) и Александра II (проекты Петра Валуева и Михаила Лорис-Меликова). Здесь особо хотелось бы обратить внимание на тот факт, что активную роль в выборе половинчатых политических преобразований сыграл Жозеф де Менстр, развернув интригу против проектов Михаила Сперанского, – постепенного освобождения крестьянства, учреждения Государственной Думы. Для де Менстра ничего не было страшнее демократии и разделения властей. А интриговать ему было легко – он слыл интеллектуальной звездой Европы, с ним любил беседовать сам император Александр I, к нему прислушивался министр народного просвещения Алексей Разумовский. В том, что в 1812 году Сперанский был отставлен, а проект Государственной Думы на 93 года положен под сукно, есть заслуга наряду с другими политическими силами и европейца де Менстра.

В эпоху великих реформ 60–70-х годов XIX столетия этот вопрос неизбежно должен был получить особую остроту. Александр II после долгих и мучительных колебаний решился на допуск выборных от привилегированных сословий к совещательному участию в законодательной деятельности. Убийство императора 1 марта 1881 года похоронило и эти робкие попытки реформирования политической системы сверху.

Александр III, в отличие от отца, к самой идее народного представительства относился весьма негативно. Своим указом он приостановил решения отца о привлечении выборных. Не последнюю роль в этом сыграл Константин Победоносцев, убеждавший императора в том, что «верховная говорильня», организованная по образцу «гнилого Запада», есть орудие всякой неправды и источник всяких интриг – затея совершенно ненужная и вредная для России». До последних дней правления Александр III был непоколебим в вопросе о парламентаризме. В 1893 году на докладе министра о работе японского парламента царь написал: «Чепуха и комедия».

Вступив на престол, Николай II унаследовал подобные настроения от отца. На докладе министра иностранных дел о положении дел на Крите от 24 декабря 1898 года он сделал следующую пометку: «Очень важно на первых же порах ограничить, сколь возможно, применение на Крите представительного начала, о чем меня очень просил королевич Георгий еще в Дании. С этим я вполне согласен».

Странный Госсовет

В Российской империи на тот момент высшим законосовещательным учреждением оставался Государственный Совет, созданный в ходе политических преобразований Сперанского. Членство в Государственном Совете было пожизненным. В его состав по должности входили исключительно министры. Остальные члены Государственного Совета назначались императором – генерал-губернаторы, члены императорской фамилии. Именно с деятельностью Государственного Совета связывались политические преобразования в стране, введение народного представительства. За 100 лет, к 1901 году, было назначено 464 сенатора: за время правления Николая I было 113 членов Госсовета, Александра II – 132, Александра III – 51. Со временем принципы назначения в Совет менялись.

К 1905 году зашла речь о реформе Государственного Совета. К этому времени он представлял собой весьма возрастное учреждение – «архив государственной мудрости», по меткому замечанию современника. Члены Государственного Совета, без сомнения, обладали колоссальным опытом, но при этом весьма ограниченной трудоспособностью. Во второй половине XIX века несколько раз обсуждались планы введения выборных представителей в Совет.

И все же первой попыткой, которой был дан старт предстоящему изменению политического порядка, был Манифест 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», значительную роль в подготовке которого сыграл министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве. Он был убежден, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема». Манифест редактировался самим императором. Этот факт очень показателен с точки зрения того, на каких началах стоял сам царь, – безусловно, на традиционно-консервативном устройстве политической жизни в государстве.

Из первоначального проекта текста было вычеркнуто все, что касалось свободы слова и совести, намерения «приблизить народные нужды… к престолу», доверия к «свободным общественным силам», каких-либо изменений в системе государственного управления. Говорилось лишь о неуклонном соблюдении уже существующих законов. Все сводилось лишь к некоторому развитию местного самоуправления и усилению влияния православной церкви.

На страницах газет и журналов правомонархического толка звучало: «историческое событие», «великий акт», «укрепление порядка и правды в русской земле», «царская милость». Царский акт, безусловно, усилил авторитет местной власти, после его выхода даже был создан специальный совет при МВД для расширения и повышения статуса губернского управления.

Долгожданный Манифест

Вступление в январе 1904 года в войну с Японией прервало ход трансформации политического управления России. Великая империя терпела одно за другим поражения на фронте, вызывавшие оскорбление чувства национальной гордости, которое обернулось против собственной власти – виновницы национальной трагедии. От японцев както вдруг народное негодование перебросилось на собственного царя.

Война требовала общенационального напряжения сил, и царь для укрепления единства попытался найти общий язык с оппозиционной либерально-демократической общественностью.

1 ноября 1904 года министр внутренних дел Пётр Святополк-Мирский в своем докладе сообщал императору: «…положение очень критическое … 99 процентов мыслящей России этого желают (допущения населения России к участию в отправлении законодательной и административной власти. – Авт.)». При этом постоянно происходили совещания, обсуждения с помощью прессы. Суждения попали за границу и там тоже активно обсуждались. Предлагались различные варианты политического устройства страны. Полемика среди общественности была продолжительной, но не безосновательной.

А в это время Святополк-Мирский готовил свою программу политических преобразований, его активным помощником в этом деле стал Сергей Крыжановский. В результате их интеллектуальной деятельности Николаю II был представлен документ «О различных вольностях», в котором в том числе шла речь о привлечении в Государственный Совет выборных представителей.

В другом документе – в записке «О допущении населения к непосредственному участию в отправлении законодательной и административной власти с образованием представительного учреждения» Святополк-Мирский писал: «…залогом правильного развития нашей жизни является, во-первых, допущение населения нашего к участию в отправлении законодательной и административной власти с образованием для этой цели выборного представительного учреждения, облеченного правом надзора за действиями министров и привлечении их к ответственности, а во-вторых, обеспечение за каждым лицом путем формальных правовых гарантий известного объема неотъемлемых общественных и политических прав: свободы личности, свободы совести и слова, свободы сходок, ассоциаций и прочее…». Проект Святополк-Мирского напоминал отчасти проект Валуева о преобразовании Государственного Совета еще в 1881 году.

В 1812 ГОДУ СПЕРАНСКИЙ БЫЛ ОТСТАВЛЕН, А ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НА 93 ГОДА ПОЛОЖЕН ПОД СУКНО.

Вслед за этим последовал Указ Его Императорского Величества от 14 декабря 1904 года как реакция консервативных кругов на либеральные предложения по реформированию государственного управления. Указ был своеобразным увещеванием и обращением правительственного лагеря к народу о незыблемости порядков. И реакция общественности не заставила себя ждать.

Видный исследователь Ольга Рыбка в своей работе «Государственная Дума в системе власти Российской империи в начале XX века» приводит наиболее яркий внедумский пример, имеющий далеко идущие последствия, – деятельность священника Гапона.

О широком влиянии идей, проводимых Гапоном, и его деятельности говорит тот факт, что по призыву этого священника на улицы Петербурга 9 января 1905 года вышло 150 тысяч человек. Показательно, что это произошло сразу же после полного провала попытки социал-демократов организовать в ноябре – декабре 1904 года демонстрации в обеих столицах.

По мнению Ольги Малышевой, причинами кризиса стали: незавершенный характер реформаторства XIX века, не затронувшего политического устройства; происшедшие к этому времени изменения в обществе, прежде всего расслоение дворянского сословия, усиление экономической мощи национальной буржуазии при одновременном отсутствии для нее доступа к государственному управлению; нерешенные проблемы в социальной сфере: отсутствие рабочего законодательства, нравственная и идеологическая трансформация в среде российского крестьянства; неумение или нежелание власти услышать настроения общества, пока еще готового к компромиссу с властью; категорическое неприятие монархом и его окружением каких-либо реформ в сфере государственного управления. Все это предопределило дальнейшее развитие событий.

В сложной революционной обстановке – бесконечной череде митингов, демонстраций рабочего класса, различных политических проектов реформирования управленческой модели развития страны, недовольства церковной бюрократии угнетенным положением православной церкви – политическая элита и исполнительная власть в лице выдающегося деятеля Петра Столыпина убедили императора дать толчок развитию общественной системы государства, подписав Манифест 17 октября 1905 года.

Через два дня после опубликования Манифеста Николай II жаловался: «Только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городовых, казаков, солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собрались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно».

После предоставления народонаселению империи возможности самостоятельного выбора – участия в общественных институтах императорской России – в стране стали активно формироваться общественные организации, политические партии, проводиться собрания и съезды.

Вслед за Манифестом был опубликован и Указ о преобразовании деятельности Государственного Совета. Это было закономерным процессом, подготовленным всем ходом предыдущего исторического развития страны.

В начале XX века народ постепенно стал включаться в политический процесс управления государством посредством общественных организаций и участия их представителей в работе первого парламента империи – Государственной Думы.

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ НАРОДНОЕ НЕГОДОВАНИЕ ПЕРЕБРОСИЛОСЬ НА СОБСТВЕННОГО ЦАРЯ.

Григорий Ивакин
Публикуется в сокращении «Журнал о выборах». 2013. №5